

ТЕХНОЯМБЫ

I

Вчерашней музыки паўзы,
Недоуменье батарейки –
ее сменившие кургузы,
пожалуй, меньше канарейки.
Они из подсознания ямба,
Из чертовни хороших строчек,
Любую из которых я бы
Отправил в ад без проволочек.
Увы! пришельцы и герои,
Теперь живее всех живущих,
Их равнодушной игрою
Замешана земная гуща.
Зане смененные помяты,
И отправляются на волю
Ломать стальные аты-баты
По заштрихованному полю.

II

Они сцепляются хвостами
Лоснится вытертая кожа
Их можно поменять местами
С любым кошмаром равно схожих
Но это звери антологий
А мы имеем дело с теми
Кто выползает из берлоги
Как наспех брошенное семя
Сквозь ледовитые экраны...
Проходит через эти коды
(Дырявы будто бы карманы)
Сквозняк неведомой свободы.
Готовь тяжелую дубину
Мотай рулоны изоленты
Встречать грядущего лавину
Его живые элементы

III

Плотней рождественского крема,
Простой, как надпись на заборе,
Мне голос был. Не зная темы,
Со мною толковало море.
Сквозь музыкальную коробку
Назло расслабленной пружине
Звучало так: РОРОРО-РОК-КУ
Еще ДО-ЫНЕ-ЫНЕ-НЫНЕ
Доныне рокку – кувырками
Назад. И шумовая тема.
Но эта музыка не с нами,
Ее тоска и теорема.
Я молча выключил шкатулку
Еще подсказок не хватало!
Грызущий мировую булку,
Пускай не крошит где попало.
Я сам управляюсь с рычагами,
Заряд расставляю вслед заряда –
Пускай сужаются кругами
К финальной точке звукоряда.

РАССВЕТ

поздней ночи этажи
громоздятся как попало –
проржавевшие Киж
мертвый лес лесоповала
в этом омуте душа
хорошо играет в прятки
в небе нету ни гроша
только лезвие в подкладке
кто-то проведет веслом
по воде – по гладкой коже
мы же темное стекло
под прозрачное положим

* * *

В Транквилиуме этом, Тропарёво,
еще при позапрошлом короле,
едва сопротивлявшееся слово
полнеба мы тащили на пиле.
Усохли дни, зато набухли ночи,
ни слов, ни пил. И, честно говоря,
сегодня даже небеса не очень
подходят для тасканья словаря.
Бог помочь нам, дельцам и дилетантам,
катящимся с невидимой горы –
ладони добродушного гиганта.
Теперь и это в правилах игры.

* * *

Полуэктов видит короткий сон:
горящие города.
Просыпаясь, берет за телефон,
сообщает туда, куда.
Это просто работа. Его оклад
не зависит от темы сна.
Важно, чтобы записывал все подряд,
разберется сама страна.
Полуэктов трогал ядерный гриб,
но медаль получил за то,
что однажды увидел двух мертвых рыб
в алюминиевых пальто.

* * *

Петров закончил заготовки
обыденное моросит
троллейбус двинул с остановки
и не дождался, паразит
Петров, зачем свои соленья
ты кутал в старое пальто?
из огурцов и перцев тленья
не избежал еще никто
ты скажешь плотная закрутка
и ледяные погреба
плывет немытая маршрутка
Петров, а я скажу судьба

* * *

Пустовалову принесли вина,
И к нему шашлык, что устроен ловко:
Половина, как утренний сон, жирна,
А другая жилиста, как циновка.

Размотать бы жилы на провода,
Чтобы слышали это в любой столице:
В мире есть хорошие города,
Ни в одном не хочется поселиться.

Ни любви не надо, ни шашлыка –
Все равно, измена или изжога.
Дайте, что ли, змеинового молока!
Пустовалов, пей, но не слишком много.

* * *

Пели-спали где только придется,
Водку в ступе любили толочь.
Но не пьется уже, не поется,
И не спится в холодную ночь:
Жизни жалко и жалко собаки,
Остального не жалко почти
В подступающем к сердцу овраге,
У большого ненастья в горсти.

хорошо и на этой траве
хорошо и под этой травой
у потертой судьбы в рукаве
спи спи спи не верти головой
если выкрутить винт ноября
из основы хороших вещей
можно выжить и не говоря
никого не касаясь совсем
стать темней самой темноты
ярче сна горячей огня
(разговоры его просты
он идет увидеть меня)

ДЕВЯТЫЙ КЛАСС

Где у подъезда толкотня
И темный лес тяжелых рук
Там ждут надеюсь не меня.
Я слабый враг неверный друг
Качели, горки, гаражи –
Темны распятыя во дворах
Попойки, драки, грабежи
Ты прахом был и станешь прах
А дома книжная тюрьма
Обойный клей, колода карт
Уйти в бега, сойти с ума
Советует лукавый бард
Но нет надежнее пути
Сквозь стыд и срам чужих дворов
Чем сон-травую прорасти
Не оставляющей следов.
А в небе ледяной металл
И если лечь лицом в бетон
Увидишь то, что так искал, –
Свой неразменный миллион...

Столетье смерти модерна.
Вербное воскресенье.
Голову Олоферна
вносят в чужие сени.
Что он видел? Двойчатки
вечно живых соцветий,
каменные початки,
смальтой полные сети.
Что он увидит – в стекла
пыльного саркофага,
в мире простом и блеклом,
плоском, словно бумага?
Миру не надо линий,
поворотов сюжета.
Ни орхидей, ни лилий
ярого полусвета.

где небо будущим беременно
а тут продленка третий класс
мы все идем тропею Римана
но Риман умер не за нас
зазря пространство многомерное
густеет в баночке чернил
все ассонансное, минорное
какое ты и сам любил
иное только улыбается
не поддается мирный квант
он с нами пьет, грешит и кается
как привокзальный музыкант

ЧИСЛА

всего 500 рублей и снова жив-здоров
посаженный на клей окраинный Брюллов
но нету пятисот в промозглom декабре
среди былых красот шуруй без якорей
возьму 150 нашарив 200 и
весну не запретят (но кажется смогли)

СЧИТАЛКА

Кто проснулся кто приснился
Кто пошел и выпил море
Кто совсем не изменился
Кто ошибся в разговоре

Всем нам следовало строже
сохранять свои руины
А теперь-то кто поможет?
Кто не с этой половины?

* * *

Ты-то помнишь эту музыку ТВ
Эти танцы в беспощадной синеве

Помню-помню занавешенный экран
Чью-то кровь из черно-белых рваных ран

Были молоды мы, молоды тогда
А над нами говорящая вода

А над нею ледяные небеса
Между ними города и голоса

Десять жизней уместились в полчаса

* * *

месяц ели мокрый хлеб
что отпущен был по водам
а потом приплыл обратно
мы довольны не вполне
этим хлебным тихоходом —
у него на шкуре пятна
ну а если утонул
значит все мы утонули
хоть плавучи будто пробки
но не дали нам уплыть
утопили и вернули
и хранят в сырой коробке

* * *

скрипел снег
под ногами
подшучивал век
над нами
88-й
кончался
вернуться туда домой
там бы остался
на том сейчас и стою
шатаюсь малость:
мы были тогда в раю
как оказалось

* * *

Кто знает, из какой тоски,
из перелома со смещением,
из ночи, рвущей на куски
своим тяжелым освещением,
мы выплываем на бульвар
предновогоднего похмелья...
Встречай, окраинный квартал,
героев горькой карамелью!

* * *

Снежной весны столица,
Каменное жнивье,
Нужно развоплотиться,
Чтобы забрать свое.
Строятся гороскопы,
Слышатся голоса,
Телефонные тропы
Тянутся в небеса,
Где по волне мороза
Катится аппарат,
Серебро и глюкозу
Рассыпая подряд.

СКАЗКА

В одном далеком городке
Гора приставлена к реке
И смерть невдалеке
Ее не бойся – это твой
Передовой городской
Единственный конвой
Он отведет тебя туда
Где камень есть и есть вода
Но нету ни следа
Ни рек ни гор ни городков
А только море огоньков
Над полем облаков

* * *

микрочастицы компьютерной сажи,
пачкающей лицо –
главное, что обо всем расскажет,
если в конце концов
в новом столетье решим присниться,
выпрыгнуть из ларца,
продемонстрировать кровь на лицах
демонам без лица

Это новая песня на старый лад,
на зубок ее брали и там, и тут:
из живущих каждый не виноват,
виноватые вниз головой цветут.

Они камни колышут на площадях,
иногда приснятся, как зимний лес,
где деревья черные все в гвоздях
(но иных не встретишь ни там, ни здесь).

Они тоже хотели из общих зол
выбрать меньшее, стать серебром планет...
Опустили сердце в густой рассол,
позабыли на девяносто лет.

ИЗ СТАРОЙ ТЕТРАДИ

Землю увидеть во сне, ты сказала, дурная примета.
Для посвященных – предвестье тяжелого года,
как урожай огурцов, как злодейка-комета,
хвост перед каждым задравшая не без дохода.

Я возражу, ибо что нам, *астралопитекам*,
в этом случайном стеченье чужих обстоятельств!
Ради забавы представишь себя человеком –
сразу навалится груз долговых обязательств.

Трудно лететь, трудно плыть под холодной водою,
трудно раскрашивать мир в надлежащие краски.
Там, где погасло твое и мое золотое,
трудно представить глаза без тяжелой повязки.

Весь вечер пой, все утро пой
А после замолчи
И снова выгнется дугой
Дорога в Урумчи

И 95-й год
Алмазный порошок
Присядет рядом и нальет
Уже на посошок.

Горит Восток, плывет челнок
По золотым волнам
Пока короткий эпилог
Январь читает нам

НОЧНОЙ ТРОЛЛЕЙБУС № 20

В сторону Серебряного Бора
(как темна листва его густая!)
по волнам ночного разговора
движемся, почти что засыпая.
День был жарок, полночь – неизбежна,
за окном то смерть, то бакалея.
Приближаясь к линии прибрежной
замирает старая аллея.
И уже невидимы ансамбли
новых зданий, слепленных по-птичьи.
Созданный единым взмахом сабли,
крепкий берег ждет своей добычи.
Надо стать прозрачней, неприметней
стеклышка троллейбусной теплицы,
чтоб исчезнуть с девяностолетней,
так и недописанной страницы!

* * *

Вагон остроносых турецких ботинок,
Корейских носков три контейнерных блока...
В аду зажигают огни вечеринок.
Звезда моя жизнь, хороша и жестока!
Шуруй, Polaroid, покуда сам воздух
Не стал черно-белым, как яд или водка.
Теперь все подряд разбираются в звездах,
Но тайну хранит – полинявшая фотка,
Где через размытый значок мерседеса
А может, прицел, проступает такое,
Что видеть подробней мешает завеса
(Опущена чьей-то умелой рукою).

* * *

Вторнику много надо:
он чемпион всего,
сам себе крест, ограда,
дилер и вещество.
Я же заброшен в среду.
По острию ножа
дымным поездом еду.
Стало быть, заряжай!
Ставлю кассету грома
в каменный пулемет.
Скоро мы будем дома –
вечности не пройдет.

ДЕКАБРЬСКАЯ ПЕСНЯ

Усидишь ли дома по ночам,
где лишь телевизор у виска,
если солнца неживой кочан
засолила на зиму тоска?
Выйдешь в поле – темные торчат
сухостоем в ледяных полях
черенки невидимых лопат.
Сделай шаг – напорешься впотьмах.
Тут и город, мертвый огород,
заливает каменный бензин
равнодушной тьме за отворот.
Заходи в закрытый магазин,
забирай что хочешь – все равно.
Здесь ведь только иней на губах,
а внутри дешевое вино
и к подошвам липнет теплый страх.

* * *

Веселая тоска венецианских зим,
божественный мотив под номером четыре.
Он умер, но смотри, остался негасим
и медленно плывет в предпраздничном эфире.

Лови, покуда он – полупрозрачный шар
из рыбьей чешуи сияющего моря
(рисованной страны несмелая душа,
блаженное окно в стене ночного горя).